

Научная статья
УДК 342.7, 342.729
doi: 10.17223/15617793/512/27

Свобода мирных собраний и идея народных ассамблей как элементы коммуникативного конституционализма и непосредственного народовластия

Игорь Александрович Кравец¹, Александр Владимирович Саленко²

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия, kravigor@gmail.com

² Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Россия, ASalenko@kantiana.ru

Аннотация. Идентифицируются публично-правовая природа свободы мирных собраний и народных ассамблей, раскрывается природа коммуникационных прав и свобод человека и гражданина, роль ассамблей граждан в реализации народовластия и учредительной власти в контексте международной научной дискуссии и сравнительного опыта конституционных изменений. На основе сравнительного исследования предпринята их систематизация. Особое внимание уделяется анализу целей, содержания и функциям конституционной свободы мирных собраний, которая составляет важнейший базовый элемент коммуникативного конституционализма и непосредственной демократии.

Ключевые слова: свобода мирных собраний, коммуникационная власть, прямая демократия, ассамблеи граждан, публичные мероприятия, коммуникационные права и свободы, конституирующая власть, коммуникативный конституционализм

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00627, <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> («Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы)»).

Для цитирования: Кравец И.А., Саленко А.В. Свобода мирных собраний и идея народных ассамблей как элементы коммуникативного конституционализма и непосредственного народовластия // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 252–265. doi: 10.17223/15617793/512/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/27

Freedom of peaceful assembly and the idea of people's assemblies as elements of communicative constitutionalism and direct democracy

Igor A. Kravets¹, Alexander V. Salenko²

¹ Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, kravigor@gmail.com

² Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation, ASalenko@kantiana.ru

Abstract. The article identifies the public-legal nature of freedom of peaceful assembly and people's assemblies, and reveals the nature of communication rights and freedoms of man and citizen, the role of citizens' assemblies in the implementation of democracy and constituent power in the context of international scientific discussion and comparative experience of constitutional changes. The authors pay special attention to the analysis of the goals, content and functions of the constitutional freedom of peaceful assembly, which is the most important basic element of communicative constitutionalism and direct democracy. The article also analyzes the concepts of democracy of assemblies and citizens' assemblies in the context of public participation and constitutional changes, notes the special role and constitutional value of freedom of peaceful assembly in a democratic and legal state. Freedom of peaceful assembly in modern constitutional thought is closely related to the forms of political participation and the implementation of democracy, and has substantive components interrelated with the idea of people's, or citizens', assemblies. People's assemblies are assemblies of citizens that are held to implement various forms of democracy, primarily constituent powers, if they are related to constitutional amendments and revision of the constitution. To the same extent, this is a form of citizen participation in the discussion and decision-making not only on constitutional issues, but also on other significant issues in the public sphere. One of the understandings of people's assemblies includes citizen participation in peaceful assembly that can be used to discuss public issues and form the agenda of desired or proposed constitutional changes. The article used epistemological and gnoseological approaches, methods of dialectical materialism, critical research in the field of law, formal-legal, specific-historical, comparative legal and complex analysis. The authors conclude that citizens' assemblies as a public-legal institution combine old and new ideas about citizens' participation in the implementation of various forms of democracy, in the implementation of the generative potential of the constituent power. The institution of people's assemblies (or citizens' assemblies) acquires the features of a new public-law formation that

creates a deliberative environment and actively participates in the formation of the institutional basis of deliberative constitutionalism. The right of citizens to participate in public mass events, including peaceful assembly, on the one hand, and their right to participate in constitutional changes and in discussing their desirability in citizens' assemblies and other mini-societies of a collective nature are the most important communication rights in the public sphere.

Keywords: freedom of peaceful assembly, communication power, direct democracy, citizens' assemblies, public events, communication rights and freedoms, constituent power, communicative constitutionalism

Financial support: The reported study was funded by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00627 "Communicative constitutionalism and constitutional mobilization: the problem of deliberative participation in the public and information space and the transformation of the public power system (concepts, norms and institutional mechanisms)", <https://rscf.ru/en/project/23-28-00627/>

For citation: Kravets, I.A. & Salenko, A.V. (2025) Freedom of peaceful assembly and the idea of people's assemblies as elements of communicative constitutionalism and direct democracy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 252–265. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/27

Введение

Коммуникационные отношения пронизывают жизнедеятельность человека и человеческих обществ, публичную и частную сферы человеческого поведения. Из всех существ на Земле именно человеку свойственны такие качества, как гуманитарная коммуникация и активное воздействие на окружающий мир. Технологические достижения и ответственное поведение человека как по отношению к окружающей среде, так и по отношению к своей природе и сфере коммуникации создают предпосылки для *коэволюционного развития* технологического и гуманитарного, социального, биологического и правового пространства. Появляется феномен *цифрового гуманизма* [1, 2], который в качестве программной и делиберативной концепции появился под влиянием *Венского манифеста о цифровом гуманизме (май 2019 г.)* (Vienna Manifesto on Digital Humanism, Vienna, May 2019)¹.

Цифровой гуманизм сам становится продуктом делиберации и частью коммуникационного публичного пространства. Он интегрируется с пространством *коммуникативного конституционализма* [3. С. 41] с расширенной сферой участия граждан в конституционных изменениях, обсуждении различных наиболее значимых вопросов в публичном пространстве. Одним из *ключевых принципов цифрового гуманизма*, который отражен в Манифесте, является *принцип взаимозависимости цифровых технологий и расширения инклюзивности в условиях демократического государства*: «Цифровые технологии должны быть разработаны для содействия демократии и инклюзивности». Такой подход «потребуется особые усилия для преодоления текущего неравенства и использования освободительного потенциала цифровых технологий, чтобы сделать наши общества более инклюзивными» [1. Р. XII].

Жизнь человека основана на общении и сотрудничестве. Предпосылкой творческой деятельности человека всегда является мышление. Человеческое мышление, в свою очередь, основано на фундаментальной свободе мысли. Свобода мысли, в сущности, абсолютно безгранична как в философском плане (человек в своих мыслях всецело свободен), так и с юридической точки зрения (свобода мысли не может быть никак ограничена – ни фактически, ни юридически).

Можно констатировать, что свобода мысли человека представляет собой территорию абсолютного суверенитета личности, риски ограничить которую возникают в связи с использованием нейротехнологий на основе достижений наук о жизни и технологий в рамках Четвертой промышленной революции [4. С. 422].

Вместе с тем цель мыслительного процесса человека состоит не только в том, чтобы «мыслить для себя», но и в том, чтобы результаты собственного интеллектуального труда попадали во внешний мир. Таким образом, вполне естественным образом человек склонен не только к мышлению, но и к тому, чтобы общаться с другими – участвовать в процессе коммуникации и обмениваться собственными мыслями с другими людьми. Таким образом, неизбежным образом человеческая мысль трансформируется свободой выражения мнений: *во-первых*, в индивидуальную свободу мнения (например, в выражение собственного мнения в частной беседе, книге, интервью и т.д.), *во-вторых*, в коллективную свободу мнения, средством реализации которой является свобода мирных собраний.

Свобода выражения мнений и свобода мирных собраний реализуются в публичном правовом пространстве, соединяя политическое и конституционное участие граждан, с одной стороны, и формируя в публичной сфере коммуникационное пространство для обсуждения, выражения мнений и в итоге принятия решений по вопросам конституционного характера или имеющим иное публичное значение. Коммуникация в публичной сфере осмысливается в современных демократических государствах благодаря концепции коммуникативной деятельности Ю. Хабермаса [5] и доктринам делиберативного участия в рамках различных форм демократии и демократической теории [6].

Свобода мирных собраний в современной конституционной мысли тесно связана с формами политического участия, с реализацией народовластия и имеет взаимосвязанные содержательные компоненты с идеей народных ассамблей, или ассамблей граждан. Человеку от природы свойственно общение как с точки зрения собственной потребности выговориться, так и исходя из желания признания со стороны единомышленников или же с позиции того, чтобы оказать влияние на мнения других и на мнение общества в целом.

И именно свобода мирных собраний является тем эффективным средством, позволяющем человеку реализовать потребности в коммуникации и кооперации с другими людьми, в том числе в процессе конституционной коммуникации, основная цель которой, в сущности, сводится к тому, чтобы граждане могли оказывать влияние на государство и участвовать в управлении делами государства.

В этой статье мы более детально рассмотрим взаимосвязь *идей свободы мирных собраний и народных ассамблей, их предназначение* в конституционной теории, теории демократического участия и практике конституционных изменений и конституционного развития. *Народные ассамблеи* – это ассамблеи (собрания) граждан, которые проводятся для реализации различных форм народовластия, но прежде всего учредительных полномочий, если они связаны с конституционными поправками и пересмотром конституции, но также эта форма участия граждан в обсуждении и принятии решений не только по конституционным вопросам, но и по иным значимым вопросам в публичной сфере. Одно из пониманий народных ассамблей включает участие граждан в мирных собраниях, которые могут использоваться для обсуждения вопросов публичного характера и формировать повестку желаемых или предполагаемых конституционных изменений.

Свобода мирных собраний: основная идея и демократические цели

Исходной методологической установкой в данной статье является мысль, что свобода мирных собраний может рассматриваться в качестве одного из *коммуникативных прав и свобод человека и гражданина*. Коммуникативный конституционализм предполагает нормативное регулирование и обеспечение реализации в публичном пространстве различных форм политического участия, в том числе свободы мирных собраний в контексте формирования здоровой публичной среды.

Свобода мирных собраний имеет важнейшее значение для развития свободного и плюралистического общества, которое, в свою очередь, является необходимой предпосылкой правового и демократического государства. Фундаментальная сущность или основная идея свободы мирных собраний заключается в том, что данная свобода является средством публичного и коллективного выражения мнения. Конституционная свобода мирных собраний имеет особую важность в качестве субъективного права, которое может быть реализовано меньшинством, понимаемое в широком смысле данного слова. В частности, политические партии и движения, которые в настоящий момент не имеют парламентского представительства, при помощи свободы мирных собраний имеют действительную возможность оказывать влияние на государство и общество. В отношении к таким партиям уместным является термин «внепарламентская оппозиция», которая в демократическом государстве имеет реальные шансы в будущем войти в парламент. Таким образом, при помощи свободы мирных собраний внепарламентская оппозиция может осуществлять роль реальной политической

силы и тем самым оказывать прямое влияние на общественное мнение и отдельных избирателей, которые, возможно, на очередных выборах отдадут свои предпочтения тем политическим партиям, которые пока не представлены в законодательных и представительных органах власти, однако которые проявляют политический активизм и отвечают актуальным запросам общества.

В условиях современного мира, основанного на активной коммуникации людей, свобода мирных собраний приобретает особое значение. С одной стороны, есть множество средств массовой информации; однако, с другой стороны, есть ли у простого человека реальный доступ к СМИ? Крупные СМИ самостоятельно формируют информационную повестку и определяют «информативность» того или иного события. Именно в этом контексте конституционная свобода даёт простому гражданину возможность реального доступа к общественному мнению, эта свобода – прямой инструмент воздействия на убеждения и взгляды других граждан. В этом отношении можно констатировать, что именно свобода собраний даёт возможность «демонстрации флага»: простой гражданин может выразить своё мнение публично и коллективно и убедиться в том, что он не один, что его взгляды разделяет, возможно, значительно большее количество единомышленников. Важно показать физическое присутствие для визуализации решимости и политической воли какой-либо группы граждан.

Таким образом, посредством свободы мирных собраний происходит важная трансформация от процесса выражения своего мнения в частной беседе к процессу открытой и коллективной демонстрации этих взглядов, мнений, убеждений. В этом отношении можно провести следующую юридическую аналогию. Римляне говорили: «Unus testis, nullus testis» – один свидетель – никакой не свидетель. Так и в отношении настроений в обществе важно продемонстрировать флаг, показать своё присутствие и убедить других, в том числе органы публичной власти, в том, что есть иное мнение и возможно, что данное мнение является не только мнением оппозиции, политического меньшинства, но и даже тем мнением, которое в настоящий момент доминирует в обществе и к которому должностные лица органов публичной власти должны прислушаться. В этом контексте уместно будет привести пример г. Екатеринбурга – активной борьбы общественности в 2019 г. за сохранение городского сквера, которая проходила в форме мирных собраний. Именно право на свободу мирных собраний позволило городской общественности мирно и коллективно выразить своё несогласие как с позицией частных физических и юридических лиц, так и органов публичной власти, которые поддерживали планы по строительству на территории Октябрьской площади Екатеринбурга храма Святой Екатерины. Как раз массовое физическое присутствие мирно протестующих граждан, та самая демонстрация флага позволила увидеть, что большинство граждан не разделяют мнения о том, что необходимо осуществить застройку городского сквера и построить там очередное здание религиозного назначения. Данная история с защитой сквера в Екатеринбурге

позволила органам публичной власти произвести переоценку планов и сделать вывод о том, что большинство горожан желают сохранения зелёной городской среды. Таким образом, в Екатеринбурге свобода мирных собраний, несмотря на имеющиеся дефекты российского законодательства, всё же сработала в качестве эффективного инструмента прямой демократии [7. С. 24].

Классическое понимание функционального предназначения свободы мирных собраний в условиях коммуникативного конституционализма

Классическое понимание функционального предназначения свободы мирных собраний (как и иных фундаментальных прав и свобод человека) основывается на научных взглядах немецкого юриста, государственоведа и видного представителя юридического позитивизма Георга Еллинека, который при описании классических функций прав и свобод человека исходил от вопроса о том, какое соотношение при реализации права или свободы складывается между индивидом и государством. Так, по мнению Г. Еллинека [8. С. 87], данное соотношение предопределяет выделение трёх следующих категорий: 1) *Status negativus*, 2) *Status positivus* и 3) *Status activus*, которые позволяют лучше понять функциональное предназначение каждого отдельно взятого права или свободы, в том числе и свободы мирных собраний в качестве элемента коммуникативного конституционализма.

Status negativus предполагает свободу от государства, свободу от всякого вмешательства и ограничений со стороны государства, т.е. *Status negativus* указывает на то правовое поле, в котором человек может и имеет абсолютное право действовать без каких-либо государственных ограничений и запретов, без всякого государственного регулирования. В этом отношении *Status negativus* прямо предопределяет тот допустимый сектор конституционной коммуникации, который граждане могут осуществлять без вмешательства со стороны государства. Так, например, свобода мирных собраний охватывает собой в том числе и право на проведение *спонтанных собраний*, которые в силу стихийного (или неорганизованного) характера не имеют и не могут иметь организатора и какой-либо подготовки. Конституционная природа свободы мирных собраний, по сути, предопределяет только два обязательных элемента – *мирность* и *безоружность* собрания (публичного мероприятия). В настоящий момент российское законодательство не включает в себя такую категорию, как спонтанные или срочные публичные мероприятия, но практика свидетельствует о том, что в России фактически эти виды публичных мероприятий имеют место быть. В качестве дополнительного примера, который вызывает меньше споры и прямо предопределяется классическим пониманием функционального предназначения свободы собраний и следует из *Status negativus*, можно привести *мирные собрания в закрытых помещениях*, которые проводятся без уведомления и без вмешательства и ограничений со стороны государства.

Status positivus подразумевает собой такое состояние, при котором реализация прав и свобод человека сопряжена с позитивными обязательствами государства, а именно для полноценной реализации права или свободы человеку требуется «встречное исполнение» – помощь со стороны государства [9. С. 709].

В сущности, *Status positivus* предопределяет права требования человека и гражданина в адрес государства, поскольку без государства отдельные виды прав и свобод человека будут оставаться не более чем декларативными заявлениями. Права требования могут выражаться в том, что человек или гражданин предъявляет к государству требования о выполнении определённых позитивных обязательств: требование о предоставлении защиты, требование о соблюдении процедуры, требование о выделении материальных ценностей и благ. Безусловно, *Status positivus* в большей степени проявляется в ходе реализации социальных, культурных и экономических прав и свобод человека [10. С. 26].

Вместе с тем, говоря о том, в чём конкретно состоит *Status positivus* в отношении свободы собраний в качестве элемента коммуникативного конституционализма, мы можем тезисно обозначить то, что реализация свободы мирных собраний в демократическом и правовом государстве предопределяет набор позитивных обязательств государства, таких как, во-первых, обязанность государства создать прозрачную и эффективную процедуру подачи и согласования уведомлений о проведении публичных мероприятий; во-вторых, обязательство создать эффективную процедуру разрешения возникающих споров, которая будет позволять разрешить спор до момента проведения публичного мероприятия; в-третьих, обязательство государства создать систему мониторинга и отчетности о числе уведомлений и проведённых публичных мероприятий, а также количестве отказов в согласовании; в-четвертых, позитивные обязательства государства по предоставлению и поддержанию в порядке специально отведённых мест для проведения публичных мероприятий; в-пятых, обязательства по защите мирных и безоружных собраний; в-шестых, позитивное обязательство по поддержанию общественного порядка, регулированию дорожного движения, осуществлению санитарного и медицинского обслуживания в целях обеспечения проведения публичного мероприятия и т.д.

Наконец, *Status activus* предполагает собой такое положение, при котором характеризуется роль индивида в государстве и для государства, т.е. речь идёт о том, какую именно активную роль может выполнять индивид при помощи того или иного конституционного права в ходе осуществления государственных и иных публичных интересов [8. С. 655–670].

Status activus указывает на то, как, в частности, свобода мирных собраний может быть использована в качестве инструмента непосредственной демократии в Российской Федерации. Например, федеральный законодатель прямо указывает на то, что органы публичной власти, которым адресуются вопросы, явившиеся причинами проведения публичного мероприятия, обязаны рассмотреть данные вопросы по существу, принять по ним необходимые решения в порядке, установленном

законодательством Российской Федерации, и сообщить о принятых решениях организатору публичного мероприятия. *Status activus* очевидно прямо указывает на особое функциональное предназначение свободы мирных собраний в условиях коммуникативного конституционализма – на *роль демократии собраний, когда народ осуществляет свою власть непосредственно на мирных и безоружных собраниях*.

**Коммуникационные права и свободы
в правовом и демократическом государстве:
основные функции свободы мирных собраний**

Современная юридическая наука выделяет так называемые коммуникационные права и свободы, которые играют важнейшую роль в процессе конституционной коммуникации [11. С. 5].

Во-первых, фундамент коммуникационных прав и свобод человека и гражданина образуют свобода мысли, слова и свобода выражения мнения, которые неразрывно связаны друг с другом. Во-вторых, следующим элементом коммуникационных прав и свобод человека является свобода информации, которая понимается как в узком смысле – в качестве субъективного права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, так и в широком смысле – в качестве свободы средств массовой информации. Следует отметить, что свобода СМИ, в свою очередь, подразделяется на информационные подвиды: свободу печати (свобода прессы), свободу теле- и радиовещания, свободу интернета (свободу интернет-медиа и онлайн-изданий). В-третьих, в качестве наиважнейшего элемента коммуникационных прав и свобод человека и гражданина, который понимается и действует в неразрывной взаимосвязи со свободой информации, выступает принцип-запрет – конституционный запрет всякой цензуры. В-четвёртых, важным элементом коммуникационных прав и свобод является свобода творчества, которая объединяет в себе свободу искусства, свободу кинематографии, научную и академическую свободу и другие виды творческой деятельности. В-пятых, в группу коммуникационных прав и свобод входит исследуемая нами свобода мирных собраний, которая с сущности представляет собой свободу коллективного выражения мнения. В-шестых, свобода объединений (союзов, коалиций и ассоциаций), которая предполагает собой возможность создавать неправительственные некоммерческие общественные организации и политические партии, которые играют важнейшую роль в процессе конституционной коммуникации. В-седьмых, в качестве следующего элемента коммуникационных прав и свобод выступает право на подачу петиций (обращений). В-восьмых, свобода совести и религии, реализуемая в том числе посредством свободного распространения религиозных идей и взглядов, составляет еще один важнейший составной элемент коммуникационных прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, доктринальное выделение особой отдельной категории коммуникационных прав и сво-

бод человека и гражданина указывает нам на важнейшую конституционно-правовую ценность для эволюционного развития современного демократического и правового государства [12. С. 60–68]. Такая классификация прав и свобод человека также имеет и важное прикладное значение, поскольку она позволяет как более системно, так детально преподавать и исследовать содержание каждого из отдельно взятых коммуникационных прав и свобод человека и гражданина [13. С. 69].

Важно отметить, что среди коммуникационных прав и свобод конституционная свобода мирных собраний выполняет несколько специфических функций. Во-первых, при её помощи формируется и изменяется общественное мнение, которое оказывает прямое влияние на органы публичной власти, принимающие решения по политическим вопросам (*функция формирования и изменения общественного мнения*); во-вторых, свобода мирных собраний является правом как на свободу выражения мнения, так и субъективным правом на самозащиту, при помощи которого гражданин вместе с другими гражданами может вести борьбу за те или иные права и свободы (в последнее время получили распространение экологические протесты, при помощи которых удаётся защитить экологические права и свободы) (*функция самозащиты*); в-третьих, свобода собраний выполняет стабилизирующую функцию, поскольку с её помощью в обществе может быть «выпущен пар» – сброшено излишнее социальное напряжение, когда гражданам позволяют мирно и без оружия выразить свой протест, заявить о себе и показать, что есть люди, разделяющие данные протестные настроения, которые указывают на наличие неразрешённых общественно-политических проблем (*функция стабилизирующего клапана*); в-четвёртых, из предшествующего тезиса следует функция защиты меньшинства – оппозиции, которая с помощью мирных собраний может доводить до сведения публичной власти и общества политические требования (*функция защиты меньшинства*). При помощи свободы мирных собраний становятся возможными новые форматы политических дебатов, которые ведутся как в ходе, так и вне рамок избирательных кампаний, что позволяет искать и находить ответы на сложные общественно-политические вопросы, выявлять правду и находить устойчивые долгосрочные компромиссы, которые гарантируют стабильность эволюционного демократического развития в качестве правового государства, основанного не на делиберативной демократии и коммуникативном конституционализме (*функция демократической делиберации*) [14–16].

Основываясь на особом функционале свободы мирных собраний в правовом и демократическом государстве, можно сделать вывод о том, что данная свобода имеет важнейшее значение для реализации в повседневной практике прямой (непосредственной) демократии. Именно эта свобода позволяет сделать прямую демократию реально действующей на ежедневной основе, а не только в рамках редких избирательных или еще более редких референдумов. Именно поэтому в конституционно-правовой доктрине появилось понятие демократии собраний.

Конституционная свобода мирных собраний выступает в качестве фундамента демократического государства. Она выступает основой реальной демократии – в качестве естественного непосредственного народовластия, которое реализуется в повседневной практике. Конституционная свобода мирных собраний предоставляет простому гражданину *инструмент реального демократического участия* в жизни государства и местного сообщества на постоянной основе и существенно расширяет возможности влияния рядового избирателя на решение вопросов государственного значения, *не ограничивая это участие только выборами и референдумами*. Таким образом, свобода мирных собраний существенно увеличивает роль простого избирателя в демократическом государстве и даёт ему инструмент прямого влияния на общественное мнение и процесс принятия политических решений, минуя лишних «посредников» – как средства массовой информации, так и политические партии.

Обобщая юридическую оценку демократии собраний, можно сослаться на правовые позиции Конституционного Суда России, согласно которым свобода мирных собраний «обеспечивает гражданам реальную возможность через проведение публичных мероприятий (собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования) оказывать влияние на деятельность органов публичной власти посредством поддержания цивилизованного мирного диалога между гражданским обществом и государством. Это не исключает протестного характера таких публичных мероприятий, который может выражаться в критике как отдельных действий и решений органов государственной власти и органов местного самоуправления, так и проводимой ими политики в целом»². Опыт исследования правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросам свободы собраний имеет значение и для понимания сферы конституционной коммуникации, и для развития института ассамблей граждан в контексте политического участия [17].

Таким образом, конституционная свобода мирных собраний в этом политическом процессе выступает как в качестве способа коллективного выражения мысли, слова, мнения, так и в качестве средства (инструмента) прямой демократии, при помощи которого у граждан есть реальная возможность управлять делами государства и решать вопросы местного значения. В этом отношении можно сделать общий вывод о том, что *свобода мирных собраний является важнейшим и обязательным элементом коммуникативного конституционализма, а также неотъемлемым элементом непосредственного народовластия (демократии собраний)*, выступая в качестве одного из коммуникационных прав и свобод человека и гражданина, является одной из *важнейших ценностей свободного и демократического общества и государства* [18. С. 734–742].

О публичной природе ассамблей граждан: основные подходы к пониманию

В конституционно-правовой мысли с конца XVIII столетия прослеживается связь между двумя

важнейшими институтами: *институтом свободы мирных собраний и ассамблеями граждан в контексте политического участия и вовлечения граждан в процесс публичных обсуждений, акций публичного характера и конституционных изменений*. В современных доктринах делиберативного конституционализма и делиберативной демократии широкое использование свободы мирных собраний тесным образом переплетается с новыми институтами демократического вовлечения, с демократическими инновациями, в том числе с институтом ассамблей граждан. Такие *ассамблеи развивают не только формы демократического участия, но и создают публичное пространство для проведения специализированных собраний граждан по конкретным вопросам* (в том числе вопросам конституционных изменений), которые не могут не базироваться на одном из пониманий свободы мирных собраний. Делиберативный конституционализм как публично-правовая концепция стала формироваться в качестве метатеории, интегрирующей знания в области прескриптивного конституционализма и конституционных изменений, с одной стороны, и форм делиберативной демократии, с другой стороны. *Предназначение делиберативного конституционализма многообразно*, но в первую очередь он призван решать две взаимосвязанные задачи: 1) *обосновывать расширение демократического участия для конституционных изменений*; 2) *расширять конституционную основу для демократического вовлечения в публичную сферу* [19]. Делиберативный конституционализм уделяет внимание не только вопросам конституционной коммуникации в публичной сфере [20. С. 224], но и *роли делиберативных институтов, среди которых значимый интерес имеют ассамблеи граждан*, используемые для обсуждения и выработки решений по важнейшим вопросам национального или регионального значения, в том числе по вопросам конституционного, экологического, социального и иного характера.

Для понимания природы ассамблей граждан следует учитывать разнообразие научных подходов. Существует по меньшей мере *три подхода к пониманию ассамблей граждан*, которые применяются в конституционном праве, в доктрине и практике представительного правления и в юриспруденции прав человека (которая опирается на национальную юрисдикцию, но вполне может найти содержательные элементы в наднациональной и международной юрисдикции относительно собраний граждан и гражданских инициатив).

Первый подход возникает на заре конституционных (буржуазно-демократических) революций и связан с *формой осуществления конституирующей власти* в ходе разработки и принятия первых писанных конституций. Полноправные граждане как учредители должны были собираться для разработки, обсуждения и принятия конституции; формой их сбора выступали *национальные собрания, национальные конвенты, учредительные собрания* и другие формы коллективного обсуждения и принятия решений по вопросу проекта конституции (т.е. *конституционных коллективных действий*).

В работах отечественных авторов (В.В. Комаровой [21. С. 61], Д.Г. Шустова [22], Н.Н. Балагуровой [23. С. 14]) отмечается *специфика природы* учредительной власти, *отличие изначальной от производной учредительной власти*, влияние учредительной власти на пределы изменения конституции и границы конституционного контроля за поправками к конституции.

В сравнительном конституционном праве теория конституирующей власти имеет несколько ипостасей и форм реализации на различных уровнях территориальной организации публичной власти, хотя большинство авторов признают её *генеративные потенции* для действующих или создаваемых правовой и политической систем. Несомненно, что основными формами институционального оформления и реализации такой власти были и в настоящее время остаются *конституционные ассамблеи граждан, обладающие конституирующей властью* [24, 25]. По мнению Антонио Негри, «говоря об учреждающей власти, мы говорим о демократии»; «с этой точки зрения учреждающая власть имеет тенденцию отождествляться с самой концепцией политики в той форме, в которой она понимается в демократическом обществе» [26. Р. 7]. Когда мы задаём вопрос, что такое учреждающая власть с точки зрения юридической теории, ответ должен быть вполне отпрёданным. Сам Антонио Негри, опираясь на работы итальянских юристов, отвечает, что «это источник производства конституционных норм, то есть права создавать конституцию и, следовательно, диктовать фундаментальные нормы, которые организуют полномочия государства» [27. Р. 2]. Следовательно, в конституирующей власти заключена «власть устанавливать новое правовое устройство, регулировать правовые отношения внутри нового сообщества» [27. Р. 2]. По мнению Мартина Локлина, существуют три основных точки зрения на конституирующую власть, которые являются эманацией трех типов правовой мысли: нормативизма (*normativism*), децизионизма (*decisionism*) и релятивизма (*relationalism*) [28. Р. 219]. Отдавая предпочтение релятивистскому мышлению, он полагает, что для релятивистов эта концепция выражает «отношения прав: это проявление политического права (*droit politique/jus politicum*), выражающее открытые, временные и динамичные аспекты конституционного устройства» [28. Р. 219]. Именно релятивистский подход является ключом к пониманию природы и значения понятия конституирующей власти в современной конституционной мысли. Другие исследователи считают, что конституирующая власть отвечает *потребности в демократической легитимности и позволяет переосмыслить проблему дефицита легитимации публичной власти*, а политику использования такой власти можно рассматривать как явную и ясную самоорганизацию общества, посредством которой граждане совместно призваны быть авторами своей конституционной идентичности и определять основные правила и высшие процедуры, которые будут регулировать их политическую и социальную жизнь [29. Р. 237].

Второй подход является наиболее распространенным и возникает в связи с реализацией права граждан

собираться мирно и без оружия, это форма политического коллективного самовыражения тех или иных позиций, взглядов; это разновидность форм публично-правовой массовой коммуникации и одновременно, как можно полагать, форма политического участия. Многие институты политической системы и гражданского общества (что говорит о сложной, многоплановой природе свободы собраний) используют собрания и (или) конференции граждан для институционализации и работы политических партий, общественных объединений как политического, так и не политического характера, для обсуждения и принятия решений в различных некоммерческих организациях (национально-культурных автономиях, профсоюзах, др.). Исследование права публичных собраний на основе сравнительно-правового анализа представлено в новейшей публикации одного из авторов данной статьи (опыт России и ФРГ) [30].

Третий подход возник сравнительно недавно под воздействием *инклюзивной парадигмы участия граждан в конституционных изменениях и развитии форм делиберативной демократии*. В данной парадигме понимания и развития *ассамблей граждан* важное значение приобретают способы кооптации членов таких собраний, непрофессиональный характер их деятельности, специально предусмотренный круг вопросов для обсуждения и принятия решений по важнейшим публично-правовым проблемам современности, включая вопросы разработки и обсуждения поправок к конституции, проекта новой конституции или вопросы *национального и/или глобального значения*. Новое направление в исследовании роли демократических инноваций, среди которых особое место занимают гражданские ассамблеи, предлагает научную концептуализацию различных форм участия граждан в конституционных изменениях и в публичном пространстве под общим наименованием «ассамблеи граждан» [31]. Перечень инновационных институтов демократического участия достаточно широк: он включает конституционную линию разговоров, мини-публики, ассамблеи граждан, цифровое участие, инициативное бюджетирование проектов, референдумы по инициативе граждан и ряд других форм гражданской активности в последней декаде XX и первой четверти XXI в. [32–34].

Делиберативный конституционализм, в первую очередь, связан с *развитием парадигмы конституционной инклюзии*, которая включает и использование института ассамблей граждан для обсуждения и принятия решений по самым различным вопросам публичного характера [35]. Как *мини-публики (мини-общества, мини-общественности)*, так и более широкое понятие *ассамблей граждан* предназначены в современной конституционной теории для осмысления институтов участия граждан; их продвижение в различные публично-правовые институты и процедуры было связано с достижением *триединой цели*: 1) создание условий для *последовательного демократического обсуждения публично значимого вопроса* (большее количество граждан, хотя очевидно, что не все (как полагает Янина Велп), «будут думать о публичной проблеме,

если у них будет время для обсуждения этого вопроса» [36. Р. 394]; 2) для развития инклюзивной парадигмы демократического участия (включения обычных граждан через процедуры отбора или путем жеребьевки); 3) для оказания влияния на процесс разработки и принятия решений в публичной политике, в том числе на основе учета мнений и различных интересов («влияния на разработку политики»).

Исследователи поколений *делиберативной демократии* ставят вопрос о появлении *четвёртого поколения* в связи с *возрождением научно-прикладного интереса* и к *делиберативным системам*, осмыслением их *нового значения в современном мире*. Авторы используют в своей книге термин «поколения» в качестве обобщающего термина, благодаря которому раскрывается «повествование об изменениях в *делиберативной демократии*», а они «не являются линейными, подобно метафоре «волны» в *феминизме*». Очевидно, что цель авторов – «привнести согласованность и единство в разнообразие подходов к *делиберативной демократии*». «Системный подход к *делиберативной демократии*, – пишут исследователи, – открывает новый способ мышления о публичном обсуждении» [37; 38. Р. 139–151]. Такое обсуждение базируется на *тщательном теоретическом и критическом изучении практики делиберативных систем и освоении и концептуализации эмпирического опыта* в различных государствах.

Делиберативные процедуры и гражданское участие: новое конституционное прочтение учредительной власти

Конституирующая власть – это власть демократического участия не только в периоды принятия новой конституции, но и в процессе её развития и конституционных изменений правовой и политической системы и публичного правопорядка. Развитие теории и практики демократического участия в конце XX в. и первой четверти XXI в. совпало с активным обсуждением трудностей, проблем и успехов *новой волны делиберативной демократии и делиберативных переговоров*, которые стали рассматриваться многими учеными и практиками как *неотъемлемый тренд в конституционном развитии современных демократических государств* и как *фактор влияния на процесс конституционных изменений* [31. Р. 1–36]. Возникает феномен *делиберативного народного конституционализма* [39. С. 37] и развивается доктрина и практика демократического конституционного дизайна.

Одни исследователи утверждают, что опыт демократических государств показывает *влияние различных институтов делиберативной демократии на процесс конституционной модернизации*, где ключевая тема – это «*демократические инновации посредством обсуждения*», полагая, что такой подход может вполне оправданно иметь и своих сторонников, и своих противников [40. Р. 319]. Другие исследователи обращают внимание на изменение публичной сферы, где происходит коммуникация по важнейшим вопросам конституционного характера и демократического участия, появляются демократические инновации, в том числе и в

связи с использованием новых информационных и цифровых технологий. Демократические инновации изменяют представление о *динамических возможностях действующей конституции* и о *социально-политических и социально-технологических аспектах* преобразования конституции. Интерес к социально-правовым технологиям реформирования конституций, осмысление роли новой коммуникационной среды между органами публичной власти и гражданами в процессах конституционных изменений становятся всё более актуальными [41. С. 68–69].

Третьи исследователи, выражая скепсис в отношении эффективности использования новых технологий (в том числе в виде краудсорсинговых парламентских платформ), тем не менее считают возможным их изучение для понимания динамики, востребованности и некоторой концептуализации опыта демократических инноваций. Этот опыт имеет значение в немалой степени и для формирования *права на информационное самоопределение в современном демократическом государстве* [4. С. 11].

Российские конституционалисты (профессор С.А. Авакьян) прозорливо полагают, что конституционное право постепенно «всё в большей мере становится правом общества»; «масштабы влияния общественных сил на государственные дела тоже радикально меняются» [42. С. 6]. Александр Хадсон как зарубежный исследователь проблем «завесы участия» (граждан и политических партий) в процессах разработки конституции отмечает, что «стремление решать сложные проблемы, консультируясь с народом заново» – «это один из великих импульсов нынешней эпохи» [43. Р. 2]. С философско-правовой и политической точки зрения трансформацию публичной сферы исследует Ю. Хабермас, указывая на то, что «публичная сфера представляет собой социальный феномен, выходящий далеко за рамки функционального вклада в демократическое принятие решений в конституционных государствах» [44. S. 10].

Действующее конституционное право пока мало внимания уделяет формам участия граждан в демократическом создании конституций и конституционных поправок; такой подход предполагает *выявление и постулирование нормативного содержания процедур делиберации*. Оправданным является мнение Елены Гарсия-Гитиан как исследователя делиберативного участия граждан, что «конституции являются инструментами, которые выражают суверенную волю народа, но они также являются гарантией его коммуникативной власти» [45. Р. 17].

Обращаясь к делиберативным процедурам в публичной сфере (в том числе и по *конституционным или иным значимым вопросам*), следует понять, насколько важны обсуждения и их сопутствующие процедуры – переговоры для согласования интересов и достижения заявленных целей. В *теории политических переговоров* существует убеждение, что во многих (если не во всех) демократиях *переговоры так же важны, как и правило большинства*. Джейн Мэнсбридж и Кэти Джо Мартин отмечают, что «*делиберативные переговоры* описывают тип политических переговоров, которые с

наибольшей вероятностью приведут к соглашениям, что охватывают интересы и ценности широкого большинства, оставаясь совместимыми с демократическими идеалами» [46. Р. 4]. Влияние *делиберативной доктрины на различные сферы политики* (как внутренней, так и внешней) становится в первые два десятилетия XXI в. особенно актуальным и ощутимым.

Уже в последней декаде XX столетия *технологии делиберативных переговоров* были применены для разработки и принятия Конституции Южно-Африканской Республики в период 1994–1996 гг., в частности использовались некоторые инновационные методы вовлечения граждан (о «Написании и сертификации конституции» в 1994–1996 годах³): например, была создана «конституционная линия разговоров» и запущена программа «публичных конституционных собраний» в рамках более широкой «Программы участия общественности» (Public Participation Programme (PPP)). Уникальность южноафриканского опыта была и в том, что впервые была применена процедура *судебной «сертификации» конституции*⁴.

В Бразилии идея «*конституции граждан*» (“citizens’ constitution”) стала основой для процессов демократизации при переходе от авторитарного военного правления, разработки и принятия Конституции 1988 года с последующим созданием *инфраструктуры народного включения* («popular sector inclusion»)». ⁵

В Колумбии и Венесуэле *элементы конституционного популизма и формы демократического участия* нашли закрепление в новых конституциях и отразились на использовании как традиционных, так и новых институтов участия граждан в обсуждении и формировании публичной политики (например, ассамблеи граждан, или *Cabildo Abierto* и др.). Институт «*cabildo abierto*», рождённый первоначально в испанской Кастилии и получивший распространение в колониальных владениях метрополии как элемент городских советов, изменил свой статус, *поднялся до конституционного уровня* и стал в XX и XXI вв. рассматриваться как *модернизированная форма муниципального и народного конституционализма* или в качестве составной части в механизме *народного участия* в некоторых конституциях Латинской Америки: в Колумбии – Конституция Колумбии 1991 г. (ст. 103)⁶ и в Венесуэле – Конституция Венесуэлы 1999 г. (ст. 70 и 348)⁷.

Можно отметить следующие особенности процессов конституционных изменений с участием граждан. Во-первых, опыт и нормативное регулирование форм демократического участия в различных частях мира (*в том числе привлечение граждан для разработки и принятия конституционных поправок и проектов конституций*) говорят нам, что следует отказаться от узкого понимания источников и географии распространения демократических инноваций и *делиберативной демократии* как «принадлежащие западным демократиям» в современный период. На это вполне оправданно указывает Жюльен Вридаг [47. Р. 3].

Во-вторых, *широкое распространение и использование инструментов делиберативной демократии в различных странах мира* не сопровождается, как пра-

вило, *созданием устойчивых конституционных демократий и усилением влияния граждан на принятие решений в системе представительной демократии*. Например, существует ограниченный или даже сомнительный успех делиберативных и иных форм участия граждан в различных регионах мира, в том числе в странах Латинской Америки.

В-третьих, ряд исследователей отмечают сомнительный оптимизм, другие полагают, что «*демократические и авторитарные силы переплетены в политических процессах и институциональном дизайне*»; вследствие чего получается такой симбиоз, который не всегда отнюдь конструктивно влияет на процесс и глубину «*включения граждан в политические решения*». Эта тенденция демонстрирует, что *делиберативная политика может не содействовать демократизации представительного правления*, а текущее состояние можно описать как «*закрытие латиноамериканской политики демократическим тенденциям*» [48. Р. 1–8].

На рубеже XX–XXI столетий формируется *делиберативная конституционная политика*, которая придает специальное значение *ассамблеям граждан*. Теперь они участвуют не в формировании органов с учредительными полномочиями, а являются *делиберативной средой*, в которой происходит обсуждение вопросов конституционного или общегосударственного значения (в том числе отдельных поправок к конституции или нового проекта конституции). Помимо этого, закономерно ставится вопрос о легитимности и включении ассамблей граждан в систему представительного правления. По мнению одних, заслуживает внимания вопрос о том, являются ли ассамблеи граждан новой формой демократического представительства? Исследователи отмечают, что подобные собрания граждан («выбранные по жребию») могут приобретать несвойственную им «роль политических представителей»; следовательно, в процессе работы ассамблеи граждан «становятся представителями» и таким образом выходят за рамки «их первоначального мандата» (который, как правило, ограничивается сокращением разрыва между населением и избранными должностными лицами) [49. Р. 5].

Можно отметить несколько специфических черт *ассамблей граждан как инструментов делиберативной конституционной политики*. Во-первых, термин «ассамблея граждан» может использоваться как обобщающее название для различных институтов участия граждан в обсуждении конституционных и публично значимых вопросов в территориальной структуре государства, государственных образований и муниципалитетов [47. Р. 1–18]. Во-вторых, ассамблеи граждан могут формироваться различными способами и включать дееспособных граждан по случайной выборке или желанию участвовать в обсуждении. Они могут выполнять не свойственную для них (первоначально как мини-общества) *функцию демократического представительства, основанного на принципе легитимного доверия и мандата участия*.

В-третьих, лучше, если их статус будет предусматриваться в текстах конституций, хотя они могут быть предусмотрены и в законах ниже уровня конституции,

например, посвященных формам реализации учредительной власти народа или формированию учредительных собраний или конвентов (в России в специальном федеральном конституционном законе). Однако *конституции – акты постоянного действия по преимуществу* (хотя и есть случаи принятия временных переходных конституций, как это было сделано в Южно-Африканской Республике), в то время как акты, устанавливающие порядок созыва и работы учредительных собраний или конвентов, принимаются в период назревших потребностей в конституционной реформе (как правило, накануне созыва учредительного собрания). Аналогичным образом принимаются решения и в отношении *формирования консультативных или совещательных органов для разработки проекта конституции или рабочей группы* для фактического завершения уже разработанного проекта закона о поправках к конституции. Поэтому если *ассамблеи граждан* закреплены в писаной конституции, для них могут быть предусмотрены *определенные учредительные полномочия*, их использование возможно на различных территориальных уровнях, в том числе не только на общенациональном уровне, но и на уровне регионов и муниципалитетов, особенно, когда в государстве для различных территориальных образований предусмотрены учредительные акты с различной сферой действия (конституции субъектов Федерации, уставы муниципальных образований и др.).

Задача современных исследователей, по мнению Янины Велп, заключается в том, чтобы встать «на прагматичную и хорошо документированную почву», когда речь заходит о формах участия граждан и в особенности об *ассамблеях граждан* для обсуждения и решения публично значимых вопросов. Мы должны оставить в стороне «как чрезмерный оптимизм (утопические ожидания в поисках «волшебного решения»», «так и чрезмерно пессимистичные представления» (которые предсказывают, что любые действия, направленные на внесение изменений, ухудшат проблемы, которые должны быть решены, потерпят неудачу или потребуют слишком больших затрат) [50. Р. 391–392]. В европейских странах обращение к институту минипублик, мини-обществ стало новой вехой в осмыслении *теории и практики делиберативной демократии и делиберативного конституционализма*. Термин «мини-публики», «мини-общества» (“mini-publics”) первоначально введенный Робертом Далем в 1989 г. для обозначения групп граждан, случайно выбранных (подобранных) в том числе по жеребьевке, имел неожиданное и многообещающее продолжение. Во-первых, как отмечают исследователи, произошло «беспрецедентное со времен классических Афин» впечатляющее возрождение ассамблей граждан за последние двадцать лет. Во-вторых, потребовалась многосторонняя концептуализация различных форм и видов минипублик, мини-обществ, конвентов и других коллективных форм участия граждан, поэтому было вполне оправданно называть всё данное многообразие ассамблеями граждан, которые могут обсуждать и выносить различные решения (рекомендательного или иного характера) по вопросам и общенационального значения, конституционного или законодательного уровня.

Согласно отчету ОЭСР 2020 г. «*Инновационное участие граждан и новые демократические институты*», произошло глобальное распространение делиберативных институтов участия граждан [51]. Делиберативная волна за последние 20 лет формировалась как совокупность инновационных способов вовлечения граждан «в цикл разработки политики». Делиберативные процессы редко затрагивают конституционные основы государств, хотя конституционные конвенты (как показывает опыт Ирландии и Исландии) могут более или менее успешно справляться с обсуждением и принятием поправок к конституции или разрабатывать проект новой конституции (неуспешный опыт Исландии). Делиберативные процедуры имеют различные формы и осуществляются на всех уровнях власти: на местном (52%); региональном (30%); национальном (15%) и международном/наднациональном (3%). По данным ОЭСР, делиберативные технологии и процедуры использовались и для рассмотрения политических вопросов: городского планирования (43 процесса), здравоохранения (32), окружающей среды (29), инфраструктуры (28), стратегического планирования (26 процессов) и других. ОЭСР определила 12 моделей делиберативных процессов, которые группируются по четырем типам целей: (1) информированные рекомендации граждан по политическим вопросам; (2) мнение граждан по политическим вопросам; (3) информированная оценка гражданами избранных мер и (4) постоянные делиберативные модели с участием граждан [52. Р. 3, 16].

Использование в конце XX и первой четверти XXI в. ассамблей граждан и конституционных конвентов для консолидации и выражения конституирующей власти показало, что данная власть как социальный феномен проявляется в процессах публично-правовой и политической мобилизации. Мобилизационная природа конституирующей власти может иметь несколько способов реализации: 1) *самомобилизация* (оксюморон не лишенный смысла) при покровительстве или разрешающем поощрении со стороны действующей Конституции и учрежденных ею органов публичной власти (может применяться и *частичная самомобилизация* отдельных компонентов конституирующей власти, например, бельгийский проект совещательной демократии под руководством граждан «G 1000», «The Ostbelgien Model») [53; 54. С. 21–25]; 2) *вовлекающая публично-правовая мобилизация*, когда органы публичной власти (учрежденные конституцией и действующие на её основе) участвуют в создании и финансировании деятельности ассамблей граждан или минипублик, мини-обществ для обсуждения важных публично-значимых вопросов и принятия по ним решений (рекомендаций или иных); 3) *принудительная мобилизация органами публичной власти деятелей искусства (например, театра и кино), науки и общественных деятелей* за счет средств государства с целью популяризации разработанных проектов поправок к Конституции или проекта новой Конституции (использование технологий конституционного арт-популизма) с ограничением возможности создавать ассамблеи граждан или мини-общества и альтернативные программы передач и информационные ролики. Если первые два

вида мобилизации могут быть охарактеризованы как *полностью открытые* или *относительно, или частично открытые* с позиций вовлечения и обсуждения разнообразных позиций, мнений и интересов, то *третий вариант* мобилизации является или *полностью закрытым* (ориентированным на государственную публично-правовую пропаганду), или *в значительной степени закрытым*, ограничивающим конкурентную оценку инициатив, проектов поправок или проекта новой конституции, не поощряющим свободное обсуждение и участие широких слоев граждан через мини-публики и ассамблеи.

Выводы

Завершая размышления о конституционно-правовом значении свободы собраний в качестве одного из субъективных коммуникационных прав и свобод человека и гражданина, а также в качестве обязательного элемента коммуникативного конституционализма, можно сделать вывод о том, что данная конституционная свобода представляет собой реально действующий демократический инструмент, при помощи которого граждане могут оказывать непосредственное и постоянное влияние на решение вопросов государственного и местного значения. В сущности, демократия – это система общественных отношений, которая находится в процессе постоянного изменения; демократический правопорядок всегда отличает потребность и способность к улучшениям и преобразованиям; именно поэтому процесс мирной демократической борьбы идей,

взглядов и мнений имеет перманентный характер. Демократическому государству априори свойственно то, что общественное мнение формируется в процессе свободной, открытой и разно векторной борьбы различных точек зрения. При этом правовое государство должно стремиться к тому, чтобы процесс формирования общественного мнения проходил без излишнего давления со стороны самого государства, без чрезмерного государственного регулирования, что, в свою очередь, будет обеспечивать необходимую обратную связь от гражданина, общества к государству, которая является предпосылкой поступательного демократического развития.

Ассамблеи граждан как публично-правовой институт соединяет старые и новые представления об участии граждан в реализации различных форм народовластия, в осуществлении генеративных потенций конституирующей власти.

Институт народных ассамблей (или гражданских ассамблей) приобретает черты нового публично-правового образования, который формирует делиберативную среду и активно участвует в формировании институциональной основы делиберативного конституционализма. *Право на участие граждан в публичных массовых мероприятиях, включая мирные собрания*, с одной стороны, и *право граждан участвовать в конституционных изменениях и в обсуждении их желательности в ассамблеях граждан*, других мини-обществах коллективного характера – с другой, являются важнейшими коммуникационными правами в публичной сфере.

Примечания

- ¹ «Vienna Manifesto on Digital Humanism, Vienna, May 2019. URL: <https://caiml.org/dighum/dighum-manifesto/> (дата обращения: 20.10.2024).
- ² Постановления Конституционного Суда РФ от 18 мая 2012 г. № 12-П, от 14 февраля 2013 г. № 4-П, от 10 февраля 2017 г. № 2-П, от 17 марта 2017 г. № 8-П, от 18 июня 2019 г. № 24-П.
- ³ См.: Writing and Certifying the Constitution (1994–1996). URL: <https://ourconstitution.wethepeoplesa.org/timelines/writing-and-certifying-the-constitution/> (дата обращения: 20.10.2024).
- ⁴ Judgment, 6 September 1996. Constitutional Court of South Africa. Certification of The Constitution of The Republic of South Africa, 1996, Case CCT 23/96. URL: <https://www.saflii.org/za/cases/ZACC/1996/26.pdf> (дата обращения: 20.10.2024).
- ⁵ См.: CONSTITUIÇÃO DA REPÚBLICA FEDERATIVA DO BRASIL. Constituição Federal de 1988 atualizada até a Emenda Constitucional nº 134/2024. Сайт: Câmara dos Deputados - Palácio do Congresso Nacional. URL: https://www2.camara.leg.br/atividade-legislativa/legislacao/constituicao1988/arquivos/ConstituicaoTextoAtualizado_EC%20134.pdf (дата обращения: 20.10.2024).
- ⁶ См.: Constitución de Colombia, 1991, con enmiendas hasta 2015. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Colombia_2015.pdf?lang=es (дата обращения: 20.10.2024).
- ⁷ См.: Constitución De La Republica Bolivariana De Venezuela. URL: https://www.oas.org/dil/esp/constitucion_venezuela.pdf (дата обращения: 20.10.2024).

Список источников

1. Digital Humanism. A Human-Centric Approach to Digital Technologies / Eds. By Marta Bertolaso, Luca Capone, Carlos Rodríguez-Lluesma. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. XXIV, 245 p.
2. Coeckelbergh M. What is digital humanism? A conceptual analysis and an argument for a more critical and political digital (post)humanism // Journal of Responsible Technology. 2024. Vol. 17. Art. No. 100073. doi: 10.1016/j.jrt.2023.100073
3. Кравец И.А. Коммуникативный конституционализм, конституционное вовлечение и гражданство в публично-правовом пространстве алгоритмического и информационного общества // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 11 (204). С. 41–56. doi: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.041-056
4. Обеспечение прав человека и осуществление публичной власти в современных условиях: проблемы и решения / С.А. Авакян, М.В. Антонов, Н.В. Варламова [и др.]. М. : Институт государства и права РАН, 2023. 560 с.
5. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. М. : Весь Мир, 2022. 880 с.
6. The Oxford Handbook of Deliberative Democracy / Eds. by A. Bachtiger, J.S. Dryzek, J. Mansbridge, M.E. Warren. Oxford University Press, 2018. doi: 10.1093/oxfordhb/9780198747369.001.0001
7. Кондрашев А.А. Свобода собраний в России: системные дефекты законодательства и политико-правовая практика // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6 (121). С. 24–44.
8. Jellinek G. System der subjektiven öffentlichen Rechte. Hrsg. u. eingel. v. Jens Kersten. 2., durchgesehene und vermehrte Auflage von 1905; 2011. XII, Mohr Siebeck Verlag. Tübingen. 366 S.
9. Merten D., Papier H.-J. (Hrsg.). Handbuch der Grundrechte in Deutschland und Europa. Gesamtwerk in 12 (Teil-) Bänden. C.F. Müller Verlag. Heidelberg. 14163 S.

10. Kloepper M. Verfassungsrecht: Grundrechte. Band II. C.H. Beck Verlag, München, 2010. 658 S.
11. Кравец И.А. Стратегический конституционализм и конституционная коммуникация: теоретические и методологические, правовые и информационные аспекты // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 4. С. 5–22.
12. Саликов М.С., Гончаров М.В. Конституционные ценности на новом этапе развития Основного Закона Российской Федерации // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. № 1. С. 60–68.
13. Саленко А.В. Европейское пространство высшего образования: германский опыт преподавания конституционного права // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. № 9. С. 69–72.
14. Koll B. Liberales Versammlungsrecht. Zum Stellenwert der Freiheit in den Versammlungsgesetzen. Baden-Baden. 1. Auflage. 2015. 430 s.
15. Salat O. The right to freedom of Assembly. A comparative study. Hart Publishing, 2015. 305 p.
16. Ullrich N. Das Demonstrationsrecht. Im Spannungsfeld von Meinungsfreiheit, Versammlungsfreiheit und öffentlicher Sicherheit. Baden-Baden, 2015. 592 S.
17. Колмаков С.Ю. Свобода собраний в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник РУДН: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 2. С. 215–248.
18. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М. : Издательство НОРМА, 2001. 752 с.
19. The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism / ed. by R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King. Cambridge, 2018.
20. Кравец И.А. Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация в современной доктрине и практике: теоретические, методологические и сравнительно-правовые аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 224–238. doi: 10.17223/15617793/494/24
21. Комарова В.В. Учредительная власть: теория и механизм ее реализации // Евразийский юридический журнал. 2011. № 4 (35). С. 61–64.
22. Шустров Д.Г. Теория учредительной власти: пределы изменения конституции и конституционный контроль за их соблюдением. М. : Юрлитинформ, 2021. 656 с.
23. Балагурова Н.Н. Учредительная власть: понятие и способы ее реализации // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (145). С. 14–19.
24. Hardt M., Negri A. Assembly. Oxford University Press, 2017. 369 p.
25. Oklopcic Z. The Paradox of Constitutionalism: Constituent Power and Constitutional Form // International Journal of Constitutional Law. 2008. Vol. 6, Is. 2. P. 358–370. doi: 10.1093/icon/mon006
26. Negri A. Il Potere Costituente. Saggio sulle alternative del moderno. Roma : Manifestolibri, 2002. 464 p.
27. Negri A. Insurgencies. Constituent Power and the Modern State. Minneapolis, London : University of Minnesota Press, 1999. 384 p.
28. Loughlin M. The Concept of Constituent Power // European Journal of Political Theory. 2014. Vol. 13 (2). P. 218–237.
29. Kalyvas A. Popular Sovereignty, Democracy and Constituent Power // Constellations. 2005. Vol. 12, № 2. P. 223–244. doi: 10.1111/j.1351-0487.2005.00413.x
30. Саленко А.В. Право публичных собраний в России и Германии: монография. Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. 219 с.
31. Reuchamps M., Vrydagh J., Welp Y. De Gruyter Handbook of Citizens' Assemblies. Berlin, Boston : De Gruyter, 2023. doi: 10.1515/9783110758269
32. Chwalisz C. Introduction: Deliberation and new forms of governance // OECD. Innovative Citizen Participation and New Democratic Institutions: Catching the Deliberative Wave. Paris : OECD Publishing, 2020. doi: 10.1787/2884d4c0-en
33. Smith G. Democratic Innovations: Designing Institutions for Citizen Participation, Theories of Institutional Design. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 230 p.
34. Chwalisz C. Reimagining democratic institutions: Why and how to embed public deliberation // OECD. Innovative Citizen Participation and New Democratic Institutions: Catching the Deliberative Wave. Paris : OECD Publishing, 2020. doi: 10.1787/056573fa-en
35. Кравец И.А. Культ писаной конституции и дилеммы конституционных изменений: научные подходы и практика применения делиберативного конституционализма // Правоприменение. 2024. Т. 8, № 2. С. 33–42. doi: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).33-42
36. Welp Y. Citizens' assemblies: Beyond utopian and dystopian approaches // Reuchamps M., Vrydagh J., Welp Y. De Gruyter Handbook of Citizens' Assemblies. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2023. P. 393–406.
37. Elstub S., Ercan S.A., Mendonça R.F. The fourth generation of deliberative democracy // Deliberative Systems in Theory and Practice / Eds. By Stephen Elstub, Selen A. Ercan and Ricardo Fabrino Mendonça. Abingdon, Oxon, UK : Routledge, 2018. doi: 10.4324/9781351182645
38. Elstub S., Ercan S.A., Mendonça R.F. The fourth generation of deliberative democracy // Critical Policy Studies. 2016. Vol. 10, Is. 2. P. 139–151.
39. Кравец И.А. Народный делиберативный конституционализм как коллективная мудрость: понятие и предназначение в российской и сравнительной конституционной юриспруденции // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 10. С. 37–46.
40. Eerola A., Reuchamps M. Constitutional Modernisation and Deliberative Democracy: A Political Science Assessment of Four Cases // Revue interdisciplinaire d'études juridiques. 2016. Vol. 77. P. 319–336. doi: 10.3917/riej.077.0319
41. Конституция и права человека: современная доктрина и практика / И.А. Алешкова, П.Н. Андреева, О.С. Белослудцев [и др.]. М. : Институт государства и права РАН, 2021. 400 с.
42. Авакьян С.А. Основные тенденции современного развития конституционного права // Конституционное право: итоги развития, проблемы и перспективы : сб. материалов Междунар. науч. конф. / отв. ред. С.А. Авакьян. М. : РГ-Пресс, 2017. С. 6–14.
43. Hudson A. The veil of participation: citizens and political parties in constitution-making processes. New York : Cambridge University Press, 2021.
44. Habermas J. Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik. Berlin: Suhrkamp, 2022.
45. García-Gutián E. The meanings of deliberation and citizen participation. Representing the citizens in constitution-making processes // Deliberative Constitution-making. Opportunities and Challenges / eds. by M. Reuchamps, Y. Welp. Abingdon, Oxon : Routledge, 2024. P. 17–28.
46. Political negotiation: a handbook / Eds. by Jane Mansbridge and Cathie Jo Martin. Washington, D.C. : Brookings Institution Press, 2016.
47. Vrydagh J. Citizens' assemblies: An introduction // Reuchamps M., Vrydagh J., Welp Y. De Gruyter Handbook of Citizens' Assemblies. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2023. P. 1–36.
48. Valdés-Ugalde F. Democracy in Latin America: The Failure of Inclusion and the Emergence of Autocratization. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2023. doi: 10.1515/9783110773675
49. Landemore H., Fourniau J. Citizens' assemblies, a new form of democratic representation? // Participations. 2022. № 34. P. 5–36. doi: 10.3917/parti.034.0005
50. Welp Y. Citizens' assemblies: Beyond utopian and dystopian approaches // Reuchamps, M., Vrydagh, J., Welp Y. De Gruyter Handbook of Citizens' Assemblies. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2023. P. 391–406. doi: 10.1515/9783110758269-031
51. Innovative Citizen Participation and New Democratic Institutions. Report. 10 June 2020 // Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: https://www.oecd.org/en/publications/innovative-citizen-participation-and-new-democratic-institutions_339306da-en.html (дата обращения: 08.10.2024).
52. Innovative Citizen Participation and New Democratic Institutions. Catching the deliberative wave. Paris: OECD Publishing, 2020. doi: 10.1787/339306da-en
53. Caluwaerts D., Reuchamps M. The legitimacy of citizen-led deliberative democracy: the G1000 in Belgium. Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2018.

54. Мосберг Е.Ю. Делиберативный конституционализм в странах Бенилюкса // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 6. С. 21–25.

References

- Bertolaso, M., Capone, L. & Rodríguez-Lluesma, C. (eds) (2022) *Digital Humanism. A Human-Centric Approach to Digital Technologies*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Coeckelbergh, M. (2024) What is digital humanism? A conceptual analysis and an argument for a more critical and political digital (post)humanism. *Journal of Responsible Technology*. 17. Art. No. 100073. doi: 10.1016/j.jrt.2023.100073
- Kravets, I.A. (2023) Kommunikativnyy konstitutsionalizm, konstitutsionnoe вовлечение i grazhdanstvo v publichno-pravovom prostranstve algoritmicheskogo i informatsionnogo obshchestva [Communicative constitutionalism, constitutional involvement and citizenship in the public-legal space of the algorithmic and information society]. *Lex Russica*. 76 (11 (2024)). pp. 41–56. doi: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.041-056
- Avakyan, S.A. et al. (2023) *Obespechenie prav cheloveka i osushchestvlenie publichnoy vlasti v sovremennykh usloviyakh: problemy i resheniya* [Ensuring human rights and exercising public power in modern conditions: problems and solutions]. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
- Habermas, J. (2022) *Teoriya kommunikativnoy deyatel'nosti* [The Theory of Communicative Action]. Translated from German. Moscow: Ves Mir.
- Bächtiger, A., Dryzek, J.S., Mansbridge, J. & Warren, M.E. (eds) (2018) *The Oxford Handbook of Deliberative Democracy*. Oxford University Press. doi: 10.1093/oxfordhb/9780198747369.001.0001
- Kondrashev, A.A. (2017) Svoboda sobranii v Rossii: sistemnye defekty zakonodatel'stva i politiko-pravovaya praktika [Freedom of assembly in Russia: systemic defects of legislation and political-legal practice]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 6 (121). pp. 24–44.
- Jellinek, G. (2011) *System der subjektiven öffentlichen Rechte*. Hrsg. u. eingel. v. Jens Kersten. 2., durchgesehene und vermehrte Auflage von 1905. Tübingen: Mohr Siebeck Verlag.
- Merten, D. & Papier, H.-J. (Hrsg.) *Handbuch der Grundrechte in Deutschland und Europa. Gesamtwerk in 12 (Teil-) Bänden*. Heidelberg: C.F. Müller Verlag.
- Kloepfer, M. (2010) *Verfassungsrecht: Grundrechte*. Band II. München: C.H. Beck Verlag.
- Kravets, I.A. (2024) Strategicheskii konstitutsionalizm i konstitutsionnaya kommunikatsiya: teoreticheskie i metodologicheskie, pravovye i informatsionnye aspekty [Strategic constitutionalism and constitutional communication: theoretical and methodological, legal and informational aspects]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 28 (4). pp. 5–22.
- Salikov, M.S. & Goncharov, M.V. (2020) Konstitutsionnye tsennosti na novom etape razvitiya Osnovnogo Zakona Rossiyskoy Federatsii [Constitutional values at the new stage of development of the Basic Law of the Russian Federation]. *Herald of the Euro-Asian Law Congress*. 1. pp. 60–68.
- Salenko, A.V. (2012) Evropeyskoe prostranstvo vysshego obrazovaniya: germanskii opyt prepodavaniya konstitutsionnogo prava [European higher education area: German experience of teaching constitutional law]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. 9. pp. 69–72.
- Koll, B. (2015) *Liberales Versammlungsrecht. Zum Stellenwert der Freiheit in den Versammlungsgesetzen*. 1. Auflage. Baden-Baden.
- Salat, O. (2015) *The right to freedom of Assembly. A comparative study*. Hart Publishing.
- Ullrich, N. (2015) *Das Demonstrationsrecht. Im Spannungsfeld von Meinungsfreiheit, Versammlungsfreiheit und öffentlicher Sicherheit*. Baden-Baden.
- Kolmakov, S.Yu. (2018) Svoboda sobranii v praktike Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [Freedom of assembly in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Vestnik RUDN: Yuridicheskie nauki*. 22 (2). pp. 215–248.
- Alekseev, S.S. (2001) *Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya* [Ascent to Law. Searches and Solutions]. Moscow: Izdatel'stvo NORMA.
- Levy, R., Kong, H., Orr, G. & King, J. (eds) (2018) *The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism*. Cambridge.
- Kravets, I.A. (2023) Communicative constitutionalism and constitutional mobilization in modern doctrine and practice: Theoretical, methodological and comparative legal aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 224–238. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/24
- Komarova, V.V. (2011) Uchreditelnaya vlast: teoriya i mekhanizm ee realizatsii [Constituent power: theory and mechanism of its implementation]. *Evrasiyskiy yuridicheskii zhurnal*. 4 (35). pp. 61–64.
- Shustrov, D.G. (2021) *Teoriya uchreditel'noy vlasti: predely izmeneniya konstitutsii i konstitutsionnyy kontrol za ikh soblyudeniem* [The Theory of Constituent Power: The Limits of Constitutional Change and Constitutional Control over Their Observance]. Moscow: Yurlitinform.
- Balagurova, N.N. (2009) Uchreditelnaya vlast: ponyatie i sposoby ee realizatsii [Constituent power: concept and methods of its implementation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7 (145). pp. 14–19.
- Hardt, M. & Negri, A. (2017) *Assembly*. Oxford University Press.
- Oklopčić, Z. (2008) The Paradox of Constitutionalism: Constituent Power and Constitutional Form. *International Journal of Constitutional Law*. 6 (2). pp. 358–370. doi: 10.1093/icon/mon006
- Negri, A. (2002) *Il Potere Costituente. Saggio sulle alternative del moderno*. Roma: Manifestolibri.
- Negri, A. (1999) *Insurgencies. Constituent Power and the Modern State*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press.
- Loughlin, M. (2014) The Concept of Constituent Power. *European Journal of Political Theory*. 13 (2). pp. 218–237.
- Kalyvas, A. (2005) Popular Sovereignty, Democracy and Constituent Power. *Constellations*. 12 (2). pp. 223–244. doi: 10.1111/j.1351-0487.2005.00413.x
- Salenko, A.V. (2023) *Pravo publichnykh sobranii v Rossii i Germanii: monografiya* [The Law of Public Assemblies in Russia and Germany: Monograph]. Kaliningrad: BFU.
- Reuchamps, M., Vrydagh, J. & Welp, Y. (2023) *De Gruyter Handbook of Citizens' Assemblies*. Berlin, Boston: De Gruyter. doi: 10.1515/9783110758269
- Chwalisz, C. (2020) Introduction: Deliberation and new forms of governance. In: *OECD. Innovative Citizen Participation and New Democratic Institutions: Catching the Deliberative Wave*. Paris: OECD Publishing. doi: 10.1787/2884d4c0-en
- Smith, G. (2009) *Democratic Innovations: Designing Institutions for Citizen Participation, Theories of Institutional Design*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chwalisz, C. (2020) Reimagining democratic institutions: Why and how to embed public deliberation. In: *OECD. Innovative Citizen Participation and New Democratic Institutions: Catching the Deliberative Wave*. Paris: OECD Publishing. doi: 10.1787/056573fa-en
- Kravets, I.A. (2024) Kult pisanoy konstitutsii i dilemmy konstitutsionnykh izmenenii: nauchnye podkhody i praktika primeneniya deliberativnogo konstitutsionalizma [The cult of the written constitution and the dilemmas of constitutional change: scientific approaches and the practice of applying deliberative constitutionalism]. *Pravoprimenenie*. 8 (2). pp. 33–42. doi: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).33-42
- Welp, Y. (2023) Citizens' assemblies: Beyond utopian and dystopian approaches. In: Reuchamps, M., Vrydagh, J. & Welp, Y. *De Gruyter Handbook of Citizens' Assemblies*. Berlin, Boston: De Gruyter. pp. 393–406.
- Elstub, S., Ercan, S.A. & Mendonça, R.F. (2018) The fourth generation of deliberative democracy. In: Elstub, S., Ercan, S.A. & Mendonça, R.F. (eds) *Deliberative Systems in Theory and Practice*. Abingdon, Oxon, UK: Routledge. doi: 10.4324/9781351182645
- Elstub, S., Ercan, S.A. & Mendonça, R.F. (2016) The fourth generation of deliberative democracy. *Critical Policy Studies*. 10 (2). pp. 139–151.

39. Kravets, I.A. (2024) Narodnyy deliberativnyy konstitutsionalizm kak kollektivnaya mudrost: ponyatie i prednaznachenie v rossiyskoy i sravnitel'noy konstitutsionnoy yurisprudentsii [People's deliberative constitutionalism as collective wisdom: concept and purpose in Russian and comparative constitutional jurisprudence]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*. 10. pp. 37–46.
40. Eerola, A. & Reuchamps, M. (2016) Constitutional Modernisation and Deliberative Democracy: A Political Science Assessment of Four Cases. *Revue interdisciplinaire d'études juridiques*. 77. pp. 319–336. doi: 10.3917/riej.077.0319
41. Aleshkova, I.A., Andreeva, P.N., Belosludtsev, O.S. et al. (2021) *Konstitutsiya i prava cheloveka: sovremennaya doktrina i praktika* [Constitution and Human Rights: Modern Doctrine and Practice]. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
42. Avakyan, S.A. (2017) [Main trends in the modern development of constitutional law]. *Konstitutsionnoe pravo: itogi razvitiya, problemy i perspektivy* [Constitutional Law: Results of Development, Problems and Prospects]. Proceedings of the International Conference. Moscow: RG-Press. pp. 6–14. (In Russian).
43. Hudson, A. (2021) *The veil of participation: citizens and political parties in constitution-making processes*. New York: Cambridge University Press.
44. Habermas, J. (2022) *Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik*. Berlin: Suhrkamp.
45. García-Gutián, E. (2024) The meanings of deliberation and citizen participation. Representing the citizens in constitution-making processes. In: Reuchamps, M. & Welp, Y. (eds) *Deliberative Constitution-making. Opportunities and Challenges*. Abingdon, Oxon: Routledge. pp. 17–28.
46. Mansbridge, J. & Martin, C.J. (eds) (2016) *Political negotiation: a handbook*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press.
47. Vrydagh, J. (2023) Citizens' assemblies: An introduction. In: Reuchamps, M., Vrydagh, J. & Welp, Y. *De Gruyter Handbook of Citizens' Assemblies*. Berlin; Boston: De Gruyter. pp. 1–36.
48. Valdés-Ugalde, F. (2023) *Democracy in Latin America: The Failure of Inclusion and the Emergence of Autocratization*. Berlin; Boston: De Gruyter. doi: 10.1515/9783110773675
49. Landemore, H. & Fourniau, J. (2022) Citizens' assemblies, a new form of democratic representation? *Participations*. 34. pp. 5–36. doi: 10.3917/parti.034.0005
50. Welp, Y. (2023) Citizens' assemblies: Beyond utopian and dystopian approaches. In: Reuchamps, M., Vrydagh, J. & Welp, Y. *De Gruyter Handbook of Citizens' Assemblies*. Berlin; Boston: De Gruyter. pp. 391–406. doi: 10.1515/9783110758269-031
51. Organisation for Economic Co-operation and Development. (2020) *Innovative Citizen Participation and New Democratic Institutions. Report*. 10 June 2020. [Online] Available from: https://www.oecd.org/en/publications/innovative-citizen-participation-and-new-democratic-institutions_339306da-en.html (Accessed: 08.10.2024).
52. Organisation for Economic Co-operation and Development. (2020) *Innovative Citizen Participation and New Democratic Institutions. Catching the deliberative wave*. Paris: OECD Publishing. doi: 10.1787/339306da-en
53. Caluwaerts, D. & Reuchamps, M. (2018) *The legitimacy of citizen-led deliberative democracy: the G1000 in Belgium*. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge.
54. Mossberg, E.Yu. (2024) Deliberativnyy konstitutsionalizm v stranakh Benilyuksa [Deliberative constitutionalism in the Benelux countries]. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*. 6. pp. 21–25.

Информация об авторах:

Кравец И.А. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой конституционного и муниципального права, главный научный сотрудник Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: kravigor@gmail.com

Саленко А.В. – д-р юрид. наук, магистр права (LL.M.), профессор Высшей школы права ОНК «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета имени И. Канта (Калининград, Россия). E-mail: ASalenko@kantiana.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.A. Kravets, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Constitutional and Municipal Law, chief research fellow, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kravigor@gmail.com

A.V. Salenko, Dr. Sci. (Law), Master of Laws, professor, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: ASalenko@kantiana.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.11.2024;
одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 19.11.2024;
approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 31.03.2025.